

«ВЗРЫВНОЙ ВОЛНОЙ ПО ГРАНЯМ БЫТИЯ...»

Александр Владимирович
Калинцев

Кропоткин, 2018

83.3(2Рос-Рус)6,8

В 40

Авторы-составители: Т.В. Калининцева, И. Алиев

Дизайн обложки:

Заведующий методико-библиографическим отделом ЦГБ
им. А.В. Луначарского Усенко Ю.С.

«Взрывной волной по граням бытия...». Александр
Владимирович Калининцев / Местное отделение Союза пенсионеров
России в г. Кропоткине ; авторы- сост. Т.В. Калининцева, И. Алиев;
дизайн обложки Ю.С. Усенко. – Кропоткин, 2018. - С.

Александр Владимирович Калининцев, член Российского союза писателей, члена Международного союза писателей и мастеров искусств с друзьями из местного отделения ООО «Союз пенсионеров России» и поклонниками его таланта.

Родился Александр Калининцев в августе 1956 года в Красноярском крае, республика Хакасия, куда приехали его родители в поисках лучшей жизни. Затем Сибирь, Урал. И – возвращение семьи с родившимися в скитаниях детьми в родной Кропоткин. Родной – потому что жил здесь с 6-летнего возраста, окончил 11-ю школу. После окончания школы пошёл работать учеником токаря в автоколонну. По направлению военкомата получил специальность водителя. Затем – служба в армии. А после армии до 1980 года кем только не работал: водителем, грузчиком, стропальщиком...

Огромное место в его жизни занимает Север, куда он переехал жить в 1980 году. Почти 32 года настоящей трудовой жизни. Посёлок Лангепас, город Нижневартовск Тюменской области. Работал на объектах нефтедобычи более 30 лет в качестве слесаря, машиниста, механика кустовой насосной станции. Получил средне-специальное образование.

Непросто складывалась личная жизнь. Сейчас растут пятеро внуков.

Александр всегда много читал: запоем читал в детстве, читал служа в армии в палатке в полевых условиях ночью под светом ночника. Стихи начал писать в старших классах школы. Активно заниматься литературной деятельностью стал в 2000 году, уже в Нижневартовске. Там начались дни упорного самообразования, хождение по выставкам и музеям, посещения литературных мероприятий. И было написано около двадцати небольших рассказов, наблюдений, эссе, прежде чем осмелился показать специалистам. Первые публикации стихов и рассказов пришлось на 2001 год.

В Нижневартовске печатался в газетах «Местное время» (литературная страница «Иван-чай»), «Новости Приобья» и «Женские страсти»; в коллективных сборниках «Иван-чай», «Самотлор», «Под северным небом»; в альманахах «Зори Самотлора»; в журнале «Моя библиотека». Приезжая в отпуск в Кротовкин – сотрудничал с газетой-еженедельником «Факты и события», в которой печатали его рассказы. В Нижневартовске был членом литературного объединения «Замысел».

Информацию о его литературной деятельности можно найти в во втором томе «Каталога современной литературы» 2014г. – издании XXV11 Московской международной книжной выставки-ярмарки.

С 2012 года проживает в г. Кротовкине. Пенсионер. Один из активных участников литературного объединения «Прикосновение к прекрасному» города Кротовкина. С 2014 года – член Российского союза писателей, член Ассоциации «Поэты Тюменской области». Осенью 2015 года был принят в Международный союз писателей и мастеров искусств.

В настоящее время издаёт свои произведения в журнале народной поэзии и прозы «Мозаика Юга», газете «Слово времени» общероссийской общественной организации РСП (Краснодарское региональное отделение).

Александр издал две книги прозы: «Мамина война» и «Взорванные судьбы».

Все его произведения размещены в интернете на сайтах: - «Проза.ру» и «Стихи.ру».

Написание прозы – большая часть творчества Александра. Особо хочется отметить две небольшие повести – «Мамина война» и «Крестьянин из Панов».

Старая пословица гласит: «Без корня и полынь не растет». Корень любой нации – это ее история. Но нельзя понять историю страны, не изучив разные ее уголки, которые и составляют это понятие «страна». Любовь к родному краю, к корням своего рода – это и есть основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества.

Родные места – это Кубань, где Александр провёл детство и

юность. Его постоянно тянуло с северов в родные места, - успокоить душу, силы набраться, вспомнить юность, напитать впечатлениями свои произведения, написать о чем-то самом главном...

На этой земле у Александра похоронены прадеды и прапрадеды...

Повесть «Крестьянин из Панов». Это произведение предлагается читать не столько умом, сколько душой и сердцем. И тогда на каждой странице замелькают вполне знакомые образы Ваших отцов и матерей, дедов и прадедов, да и просто людей, которые хотя бы однажды осенили своим присутствием Вашу жизнь и этот мир. Вы окунётесь в прежний, ещё дореволюционный быт и уклад русской деревни и России в целом. Мы его, во многом, потеряли, но автор сумел сохранить для нас с Вами его неповторимую, и ни с чем несравнимую притягательность. Вполне возможно, что таких людей с простым русским именем Семён, отыщется не один десяток и на просторах современной России-матушки. Вся его жизнь, от рождения до нелепой смерти, словно тоскующий голос прошлого, отражённое эхо человеческих судеб, по воле рока злых людей, ушедших в небытие, но оставивших о себе вечную добрую память...

Отрывок из повести «Крестьянин из Панов»:

«Пропустив с батюшкой Серафимом по стакану белого вина, они направились к реке. Туда уже сходилась народ: мужики, бабы, ребятишки; кто просто поглазеть, а кто кулаки почесать. У отца Серафима из-под зипуна смешно выглядывала ряса; он остановился, по-бабьи поднял ее и подвязал повыше, чтобы ногам не мешала. Потом помолился Богу: Прости Всевышний наши прегрешения.

- Семен помни, не выпускай меня из вида, ежели навалятся гурьбой, мы должны быть рядом, - батюшка давал наставления, как опытный боец, и как старший по возрасту.

Стороны начали сходиться стенка на стенку. В морозном воздухе стоял хруст и уханье, забористый мат казалось, шел с небес. Подручные выраженья уходили своими корнями в глубину веков, да и занятие было тоже древним, и называлось, как утверждают историки, довольно просто: «мордобитие».

Отец Серафим бился рядом с Семеном, они как тараном прокладывали просеку пудовыми кулаками, низвергая нижних еще

ниже: на лед реки. Когда обозленный противник двинул на них ватагу в человек десять, батюшка крикнул Семену:

- Семен, давай ко мне.

Встали спина к спине два богатыря, и давай крушить низовых дальше, не боясь удара сзади.

- Грехи наши тяжкие, - говорил отец Серафим, и посылал страшный удар.

- Аминь, - констатировали его уста, когда супротивник пал. Никто не знал, что батюшка Серафим, пьяница и прожига, накладывал на себя жестокую епитимью после молодецких боев.

Постепенно верхние стали брать перевес по всему фронту, и битва, утрачивая запал, начала стихать. Подошли Алексей и Зайнат, и святой отец пригласил отпраздновать победу на его подворье.

Попадья Акилина обработала саднящие раны (им тоже перепало) и с болью и заботой в голосе сказала:

- Батюшка, да когда же ты угомонишься, дети вон уже подрастают. Прихожане ропщут, что отец Серафим Бога не боится...»

В детстве и юности тема войны не была далёкой и чуждой. Многие ветераны ещё были в строю. Выходили в свет десятки книг и фильмов про войну. Свои истории рассказывали сослуживцы и соседи, пережившие ужасы войны. Александру довелось работать с ветераном ВОВ, который прошёл ад штрафбата под Кёнигсбергом. Бабушка с малолетней мамой пережили оккупацию города Крпоткина. Их воспоминания и легли в основу рассказов и повести о войне. В 2002 году Александр написал своё первое произведение о Великой Отечественной войне – повесть «Мамина война».

Отрывок из повести «Мамина война» был включен в список произведений всероссийского конкурса чтецов «Живая классика», конкурс проходил во многих городах и населённых пунктах России (Мурманск, Санкт-Петербург, Уфа, Тюменская область, Чувашия, даже в детском лагере «Артек» и др.). А в Чувашии, в поселении Вурнары чтец с этим произведением занял первое место.

Отрывок из повести «Мамина война»

«Собранные безжалостной рукой мобилизации по кишлакам и аулам, джигиты воевать не хотели.

И теперь оставшиеся в живых, чтобы не попасть в пекло боев, портили себе желудки хозяйственным мылом. Двор стал похож, простите, на сортир. Не выдержав такой наглости в собственном дворе, дед Роман пошел жаловаться по начальству. Комендант выслушал жалобу и направил дежурного офицера навести порядок:

- Лейтенант, сходи-ка ты, вот с дедушкой, разберись, чей это взвод, и командира потом ко мне.

Когда худощавый, подтянутый лейтенант зашел во двор, у него заходили желваки от увиденного. (Когда его роту сутки назад вывели из боя, он насчитал одиннадцать боеспособных солдат). Он подал команду строиться. Киргизы нехотя одевались, и становились неровной шеренгой, недовольно сверкая глазами. Они не знали, что будет дальше. Лейтенант терпеливо ждал. «Эти засранцы заслуживают трибунала, - думал он, - но потери очень большие, поэтому завтра, с утра, этих вояк отправим на передовую».

Таким образом, рапорт был составлен, и он поднял глаза на служивых. «Все?»- коротко спросил офицер, но одного в строю не было. Лейтенант вытащил из кобуры пистолет и зашел в дом.

Не чуя беды, молоденький казах спокойно лежал на койке, напевая себе монотонно под нос что-то свое, степное. «Встать», - сдерживая гнев, крикнул офицер. Тот, плохо соображая, выпрыгнул из под одеяла, и теперь стоял совершенно голый, глядя заворуженно на пистолет в руке лейтенанта. Потом очнулся, и кинул ноги в кальсоны. Помощник коменданта показал на дверь, и солдат, придерживая рукой исподнее, вышел в коридор, что-то лопоча по-своему.

Видимо по-русски он не знал ни слова. На улице багровый от гнева лейтенант, на глазах у детей и женщин, направил на него пистолет: сухо щелкнул выстрел, и солдат осел на землю с навсегда застывшим удивлением в глазах. Эльвира видела, что губы его шептали. Может это был вопрос: За что? А может последним словом было - Мама?

Остальные вмиг выровнялись, подтянулись, страх сделал их стройнее.

-Я роту положил под Гиреем, а они тут мыло жрать, на фронт пойдёте, вояки, - ругнулся с оттягом командир, - в колонну по

одному, марш, едрена вошь.

Беззвучно выходили они из калитки, лишь некоторые косили глазом на своего товарища, неловко упавшего у порога.

- Вылечим, - сказал на прощание хозяину молодцеватый лейтенант со страшной усталостью в синих глазах, имея ввиду передовую, как лекарство от страха и поноса...»

Военную тему продолжили рассказы: «Опалённое сердце», «Взорванные судьбы», «Дорога домой», «Иван да Ванька», «Люська. Дети войны», «Маша, Машенька», «Печальная ошибка», «Кормилица».

Отрывок из рассказа «Кормилица»

«Николай Зеленцов уже зимой 1942 года стал старшиной роты. Харч, боеприпасы, спирт – всё было в его ведении. Вот только с новым командиром не ладилась у них отношения, тот любил выпить и докучал старшине ежедневно. Ротный был чужой, присланный из штаба полка, за какие-то прегрешения лишился тёплого места. Солдат он не любил, и те отвечали ему взаимностью. И всё бы ничего, да подружились чёрт с дьяволом.

Особист, подтянутый и надушенный офицер, повадился к ротному на «чай». Ординарец пулей летел к старшине за спиртом и закуской, относил, и выдворялся в блиндаж второго взвода, где и харчевался. Солдаты болтали, что особист доводился их командиру земляком. Зеленцов про это не ведал, но догадывался, что знакомы они ещё по полку. Что было точно – жрали и пили знакомцы за двоих. Так исподволь и накапливалось.

Однажды Зеленцов отказал ординарцу, крепкому мужику с хитринкой в серых глазах:

- Больше нормы не дам, так и скажи. Где я на них наберусь, хлещут каждый дён по литряку, коль на водку перевести...

Тот поднял в удивлении брови:

- Ты, чо, старшина... ладно, наш,... а тот, лейтенант, шкуру спустят, не помилуют...

- Разговорчики, товарищ солдат, - повысил голос Николай и вручил посылному фляжку. – Там сто грамм, лейтенант у меня на довольствии не стоит.

Через десять минут, с выпученными от гнева глазами примчался командир роты, капитан Огрызко:

- Старшина, ты чо, под арест захотел?

- Солдаты, товарищ капитан, и так уже косятся на меня, дескать, фронтовые зажимает старшина.

- Пошли они на ..., - перешёл на траншейный язык командир.

Зеленцов закипал. Недавно особист отдал в штрафную молодого красноармейца, ни за что, опоздал на десять минут. Случилась парнишке оказия, зазноба в соседнем селе, а утром бой, наступление. Тот к командиру, отпустите, утром буду как штык. Тот поломался, но отпустил, курочку прихвати, говорит, да горилки. Вот хохол ненасытный.

Боец опоздал, пришёл понурый и с пустыми руками. Наступление отложили, но все были на ногах. Что тут поднялось! Особист напирал на дезертирство, а капитан стоял и ухмылялся. Отдал человека на съедение... подлец.

А парень с непорочностью юности глядел на них, недоумевая, чего они озлобились:

- Избы попалили немцы, землянки народ роет, а Любашу мою фашисты споганили, она умом тронулась...

- Где у тебя спирт? – срывался на крик ротный, лицо стало багровым, а глаза не по-человечьи злыми.

- Товарищ капитан... - начал было Зеленцов, но капитан не слушал, шарил глазами по землянке, ища заветную бочажку.

- Заткнись, сучье вымя, давай спирт, ишь ты, посмел перечить, завтра я тебе устрою... Ты думаешь, я не знаю, что ты сын врага, да и мать...

- Мать не замай, капитан, - заходил желваками Николай. – А отец воевать не мешает...

- Не смей пререкаться с офицером, - забрызгал слюной нетрезвый командир. – Твоя мать, поповская дочка, чужеродный элемент, как вас не додали, ума не приложу. Наверное, дала кому надо, поповны – они пухлявенькие и говорят, дюже слабки на передок...

Рука Зеленцова потянулась к кобуре. Капитан дёрнул шеей и тоже стал нащупывать пистолет, а по инерции ещё продолжал

изрыгать гнусь из дела особиста:

- А папаша твой сдох в Перми. И никто не узнает, где могил...

Николай выстрелил ему в лицо, прямо в поганый рот, пахнувший перегаром...»

Александр написал много рассказов. Рассказов о человеческих судьбах. Сколько же о них уже писано-переписано! А сколько ещё предстоит написать? Каждая отдельно взятая судьба – это словно слепок с наших собственных следов на тропинках земных. Это и наша боль, и наши радости и печали, наши надежды и мечты...

Эти судьбы, переходя из века в век, из одной эпохи в другую, на страницах книг Александра превращаются то в безутешного отца, потерявшего свою маленькую дочурку (рассказ «Освобождение»); то в актёра Михаила Жаркова, по вине непоседливой девочки-подростка потерявшего свою любовь, самую светлую и настоящую, такую – что на всю жизнь (рассказ «Котелок»).

Отрывок из рассказа «Котелок»

«Станция «Кавказская» встретила их утренней прохладой. Мимо вагонов носились торговки разной снедью, здесь было все: пирожки и кулебяки, булочки с маком и изюмом, вишня ведрами и стаканами, кислуха с аппетитной желто-коричневой корочкой в глиняном «глэчике».

Красивая черноглазая казачка с корзиной в руке, в домотканой вышитой сорочке, зазывно-певуче выводила:

- Господин, да визьмить, будь ласка, цэ ж варэныкы з вышнямы, николы мабуть нэ илы.

От ее слов и яркой колоритной внешности повеяло экзотикой, и Михаил невольно остановился. Ему явно понравилась эта молодая женщина: Жарков достал портмоне, нашел монету и протянул приглянувшейся красотке. Откровенный взгляд артиста уперся в полные, девятым валом вздыбленные груди, задержался, насколько позволяло приличие, и нехотя ушел в сторону.

«Вот мать - природа, - восхищенно подумал он. – Наверное, выкормила двоих или троих мальцов, а самой хоть бы что». Казачка,

заметив причину интереса и восхищения, с вызовом спросила:

- Шо, нравятся?

И невозмутимо понесла себя дальше:

- Кому варэныкы?

Михаил ничего не ответил, повернулся, и как замороженный, пошел следом, мимо станционного выхода, совершенно забыв про покупку. Казачка оглянулась и со смехом напомнила:

- А як же варэныкы?...»

Тяжёлые человеческие судьбы в рассказах «Дочери, дочери...», «Квартира №6», «Поскрёбыш» заставляют переживать за героев, задуматься о своей жизни...

И всё становится важным: и злосчастная судьба «Трубача» - японского трактора-гиганта, закладывающего трубы в нитку нефте-газопровода (рассказ «Авоська и Трубач»), или же маленького голубя-сизаря, оторвавшегося от своей стаи (рассказ «Ипполит»); или пчеловода Степана, или хулиганистого козла Цыгана (рассказы «Неправильные пчёлы» и «Цыган из Бискамжи»).

Не так уж важно, в каком именно ключе ведётся то или иное повествование – в серьёзном или шутовском. «Смешных» рассказов в творчестве Александра Калининцева – тоже немало («Дуська и козёл», «Листопад», «Ах, Одесса!», «Небылицы Дмитрия Костырина», «Рублёвая шутка», «Карбюратор»). Важно то, что все они, словно в прямом зеркале, показывают наше родное российское житьё-бытьё.

Безжалостно, но в то же время легко, просто, а главное, правдиво высвечивая нашу «святую непорочность».

Отрывок из рассказа «Ах, Одесса!»

«Одесский привоз. Вдали у одиноко стоящей женщины с гривой черных волос, сквозь запах рыбы пробивался несмело оранжевый бок креветки. Женщина была рослая, с черными усиками на широком округлом лице. Густые волосы пышно кудрявились назад. Грязновато-серый передник лоснился на мощных грудях, выдавая с головой напряженность ее ремесла. Фартук ниспадал на прилавок, и на нем россыпью лежали креветки, кулечки и стакан - мерило ее богатства.

Вера Павловна сразу заметила бросающуюся в глаза

неряшливость, но желание было выше этого, и она спросила:

-И почему же нынче стаканчик?

Спросила запросто, никак не выказывая знание предмета.

Продавщица дефицита окинула опытным взором ее игривый сарафан, полные руки с двумя колечками, не знающие мозолей и трещин, и тот неуловимый фарс, присущий приезжим, затем бросила на прилавок цену, потупив глазки.

-Пятьдесят копеек, берите, будь ласка, улов з ранку.

Вера Павловна переглянулась с мужем, поехала под пытливыми очами мощной торговки, и, не глядя на нее, недовольно сказала:

-Что-то у вас стакан... - она сделала нарочитую паузу, - стакан такой маленький, где вы такие только берете...

Черные усики прогнулись в гримасе, по щекам молнией пробежал румянец гнева. Грудь под фартуком всколыхнулась, оттуда мужским баритоном выплеснулось возмущение:

- И шо она вот это думает, шо у меня стакан должен бути, як ее жопа...

Ее слова обращались словно бы к солнцу и призывали в свидетели всю Одессу.

Жора присел от удивления, наблюдая за женой. Она возмущенно завохтала, издавая странные звуки. Рука судорожно сжималась и разжималась, сминая приготовленный рубль. Затем ее, наконец прорвало:

-Да как вы смеете! Грубиянка!

-Не хотите, не берите, - глядя куда-то вдаль, за Пересыпь, за море, спокойно ответила гренадерша из-за прилавка.

Жора хотел было вмешаться и включить дипломатию, но тут из-за угла мелькнул околышем фуражки милиционер. Усатая дамочка подхватила фартук вместе с содержимым и растаяла в серовато-деловой дымке Привоза. Вера Павловна в растерянности чувств не заметила, как рука, мявшая кредитку, разжалась, и зелененький комочек потащило по выбитым конскими подковами камням...»

В русских ли деревнях, на московских улицах, либо в сибирских таёжных краях,- в Одессе, на Кубани или в Крыму –

автор всё видит, всё замечает, до малейших подробностей. А потом, от всей души и от всего сердца делится своими впечатлениями с читателем (рассказы «Ах, Одесса!», «Арбуз»)… Автор вставляет в текст фольклорные «местечковые» слова, тем самым вносит в произведение необходимый колорит:

- Как вы можете вот это так сидеть, кушать это баловство, и не иметь разговора… Я б с тоски зарезалась…

- Жора, да сводить вы их на Привоз… пусть их узнают, почём креветки в лихо…

- Цо ты, Дуська, про козла-то ницо не сказала?

- Я и сказала, цо мы с Яшкой про могилку ницо не знали…

Интересы автора настолько широки, что рассказы, будто реки в половодье, постепенно «разливаются» всё шире и шире. От первой любви (рассказ «Прощание с детством»), до космодрома (рассказ «Космические коровы»).

Есть у него и свой Левша, или Кулибин (рассказ «Малиновый перезвон»), и «изобретатели» другого рода, под стать незабвенному персонажу, чей папа был турецко-подданный (рассказ «Нью-Мансюки»).

Со временем, этой реке жизненной правды становится тесно не только в своих собственных берегах. И тогда она, в своём безудержном стремлении, обладая неукротимым нравом, перемалывает и меняет время, заглядывая вперёд (рассказы «Первомай», «Сон в руку», «Налево и вверх»).

И, естественно- вечный гимн Женщине (рассказы «В борьбе за Это», «Весенние зарисовки», «Она искала»)…

А всё вместе взятое – взорванные человеческие судьбы, непрожитые жизни, недолюбившие и не получившие долгожданного тепла, внимания и ласки, люди разных возрастов и жизненных устремлений.

Книги Александра Калининцева и грустные, и смешные… Пронзительно-проникновенные, и реалистичные своей жизненной правдой. Почти в каждой строчке этих заслуживающего внимания произведений, звучит немой вопрос: «Кто мы, люди? И люди ли мы, вообще?!».

Александр пишет не только прозу, но и поэтические

произведения.

Хорошие стихи – всегда тайна. Конечно, ничего бы не случилось, если бы не было стихов. Мир бы не рухнул, но был бы беднее в духовном плане. Иногда мы просто не замечаем, что поэзия всегда с нами. Она заставляет нас по-новому смотреть на мир. Она дает возможность выразить свои чувства, которые накопились в сердце. Поэзия возвышает нас над миром повседневности, обогащая духовно. Она помогает нам быть добрее, решительнее, нежнее, мужественнее. Поэтому не случайно, что поэзия – это часть нашей жизни. Для кого-то большая, для кого-то совсем незаметная, но, безусловно, для всех – важная.

Поэты – всегда живые свидетели времени, те, кто вовремя нашёл и сказал людям нужные слова – иногда бодрые и добрые, а иногда горькие и иронические, и сказал так, что ему захотели поверить. Выбор поэта-собеседника всегда останется за читателем, в отсутствие которого исчезает и сам поэт.

Александр Калинин творит себя, свою судьбу, свою поэзию. Его душа хранит в себе особый мир, в котором мятежность и душевность, своя красота и гармония.

Каждое стихотворение наполнено искренностью переживаний и трепетностью чувств, раскрывает пороки и несправедливости жизни, призывает к гуманности, обезличивая «Ложь» и «Зависть», возвышая «Истину» и «Любовь». Поэзия для Александра – мир души, выраженный в словах. Душу нельзя увидеть, нельзя потрогать. Но её можно почувствовать и услышать.

Александр и в поэтических произведениях всегда откровенен с читателем. У него есть 2 поэтических эссе – «Господь с усердием следит...» и «Красота души».

«Красота души»

Душою правит непременно красота!
Ты усомнился, впал ты в заблужденье:
Купил ты девушку, картину, ожерелье
И вмиг решил – в кармане красота.
Ты с красотой шагаешь параллельно,
Чем ближе к ней, тем дальше ускользает.

Лучом пронзает душу красота,
Ее секрет отнюдь не в обладаньи.
В твой пылкий ум и кровь войти струей,
Вот высший смысл, вот ее задача.

Вот завладей ты зеленью дубрав;
Мохнатым облаком, готовым вдруг пролиться
Своим дождем, шершавым и густым;
Морской волной попробуй, завладей,
В тот страстный миг,
Когда гигантский вал,
Готов накрыть суденышки и судьбы...
Не хватит золота в мошне твоей тугой,
Чтоб сбить с пути трудягу-муравьишку,
Спешащего с добычею домой...
Ты муравейник можешь растоптать,
Но муравья – назад – не поворотишь!

Не купишь душу, где бытует красота!
Продажны только мелкие душонки,
Где место красоте, как видно, нет,
И, полагаю, не было в помине.
Полет стрижа ни в жизни не купить!
А танец пчел, а ульев бормотанье!
Пусть свежесть утра ляжет на весы:
Во сколь оценишь влагу от тумана?
Там в каждой капле собран белый свет,
Там в каждом вздохе – миллионы судеб,
А каждый атом – точно бриллиант.
Не купишь все, поскольку – недостаток.
Я все куплю – кричишь назло рассудку.

Тема Великой Отечественной. В канун 70-летия Великой Победы были написаны стихотворения о войне: «День Победы токаря Синицына», «Я был убит...», «Победный вальс».

«Я был убит!»

Из леса выдвинулся враг,
Как пепел их мундиры.
«Рубеж последний – наш овраг» -
Хлопочут командиры.

«Огонь!» - кричит наш лейтенант.
Держу врага на мушке,
И целю прямо в белый кант,
Сто метров до опушки.

«Вперёд!» - орёт наш лейтенант
И машет пистолетом.
На бруствер выскочил сержант
И мне в лицо, фальцетом:

«Ты что застрял, ах, мать твою,
Давай-ка, ноги в руки...»
А пули, пули так поют
Мне песню о разлуке...

Свой страх я выменял на злость,
Примкнул свой штык к винтовке.
Бегу, ору, так повелось,
Споткнулся, вот неловкий...

Подняться больше я не смог,
Осколок впился в тело.
Но знал я точно – с нами Бог,
За правое мы дело!

Я был убит, но голос мой
Гремел из всех орудий:
Родные ждут солдат домой,
Зачем воюют люди?!

Поэзия Александра заставляет задуматься над окружающей действительностью. Он равнодушен к бедам людей, всегда высказывает свою гражданскую позицию. Об этом равнодушии говорят его стихотворения: «Заберите свободу и совесть», «Кривляндия» и др.

«Кривляндия»

Кривые аллеи, кривые дороги,
Кривые дома, в них кривые пороги.
Кривые потуги задумок кривых,
Кривая гримаса удара под дых.
Кривые узоры иль смотрим мы вкось,
«Кривые» - мы вместе, а трезвые врозь.
Кривая цена нам: червонец за двух.
Кривой наш удел, но не сломленный дух.
Кривая судьба за собой позвала:
К перрону кривому состав подала.
Гармошкой-зигзагом напыжился в ночь,
Никто уж не в силах кривляндцам помочь.
Нет сил от кривляния выпрямить путь.
Ну, где ж Вы, варяги? Ау, кто-нибудь?

Жизнь – сложная штука. Рассказать другим о том, что волнует тебя, с чем не может мириться твоё сердце – уже подвиг. Каждый поэт – философ в своём понимании жизни. И это видно в таких стихах Александра, как «Жил человек без середины», «Время и я», «Не видал я жизнь с затылка».

«Не видал я жизнь с затылка»

Не видал я жизнь с затылка,
Может, шел не той дорогой?
Не любил девчонок пылко,
Люди скажут: Жил убого...

Не бродил с ружьем по лесу,
Не имел к убийству тяги.

И никто не звал повесой,
Прочно прочили в сутяги.

Как-то дикой целиною
Шел, вдруг ёкнуло в поджилках:
Увязалась смерть за мною,
Я узнал её затылком.

Лихорадочно сражаюсь
С мыслью, что неслась аллюром:
Я - на мушке! Каюсь, каюсь!
Смерть, возьми меня каюром.

Выйдет срок, пути-дороги
Занесёт снежинок стая.
В нартах я, в твои чертоги
Подлечу, сугроб взметая.

И отдам я Богу душу...
Не серчай, ты знаешь дело:
Я закона не нарушу,
Ему – душу, тебе – тело!

Любовь земная... Любовь человеческая... Вечная, бессмертная тема. Каждый из поэтов по-своему неповторимо пытался выразить, передать это чувство. Каждый в этой теме новатор, ибо пишет и говорит, о чём болит его сердце, его душа. Наш век наложил свой отпечаток на сферу личных, семейных отношений, огрубил, растоптал интимный мир человека, породил цинично-торгашеский взгляд на святая святых – любовь, женскую красоту, материнство. Тем радостней встреча с произведениями, каждое из которых неповторимо, в каждом из которых – тончайшие прекрасные порывы человеческой души, её любовь и верность. Много стихов Александра посвящено любви.

«Вальс расставания». Ироническое стихотворение. Это единственное стихотворение Александра, написанное от имени женщины.

Обжигая ладонь, падал воск,
Догорая, шипела свеча.
Ты за пивом помчался в киоск,
Позабыв про меня сгоряча.

То футбол у тебя, то авто,
Ну а я – погремушка страстей.
Что ты делал, все было не то,
Не хватало тебе скоростей.

Вот решила – и зелье в салат!
В результате – глаза из орбит.
В спальне сбросив вальяжно халат,
Рухнул навзничь, как пулей подбит.

Я старалась и эдак, и так,
Каждый день, каждый час, каждый миг.
Власть поесть и поспать – ты мастак.
Ухожу. И мой грех невелик.

«Про ЭТО!»

Это – мир вздрогнул от звуков,
Колокол бил в поднебесье.
Солнце в лучах изумленья,
Горы в истерике лавы,
Реки от счастья в рыданье:
Это – как Богу молитва.

Это – и аист на крыше,
Это – маяк в непогоду.
Это – прострел в поясницу.
Это – что кактус руками.
Это – жасмин на морозе

Это – частица Вселенной...

Это – весна и веселье,
Это – привет моей маме,
Это – жена и дочурка,
Это – и я на колени,
Это – все женщины мира,
Это – венец созиданья!

«Я – сумасшедший и мятущийся...»:
Я сумасшедший и мятущийся,
Я раб и слова и молвы.
Я – стебель, вечно к солнцу рвущийся,
А в этом рабьей нет канвы.

По мне дороги вечно-пьяные,
Где на ухабине ухаб.
Кусты, деревья в солнце рдяные,
Я солнца – друг, я солнца раб.

Я загадаю – солнце выглянет,
Закрутит все в круговорот.
Тоску из сердца напрочь выгонит,
Пусть не маячит у ворот.

Пойду веселый за околицу,
Глаза там жаркие девчат.
И сердце надвое расколется:
Так громко их сердца стучат.

И, провожая в утро милую,
Под отчий дом, под отчий кров,
Всегда прощаюсь через силу я,
И прочь летит души покров.

Нужна ли нам поэзия или совсем не нужна. Вопрос,

который иногда задают себе не только поэты, но и вообще любой человек. Можно спорить до хрипоты по этому поводу. Можно запретить поэтов или придумать им знаки отличия. Поэзия на всё это не обращает внимания. Она была, есть и будет всегда там, где живут человеческие чувства, причём, самые светлые и прекрасные. Там, где говорит Душа. Каждый автор пишет стихи о самой поэзии, есть такие и у Александра.

«Хлеб поэта»

Словно зайчик от зеркалаца, скачет
Слово, славно поэта дурачит.
Но поэта ли взять в угомон:
Он сплел сеть и словечко в полон.
Дальше в дело пустил, в оборот.
Что-то мудро, судачит народ.
Подождите, все встанет на место,
Он же месит... не видите... тесто!
Соли чуть в эту сутолку слов,
Вот метафора – перец из снов.
Здесь сравнение – петрушка из грядки.
Взял на зуб. Ну и как? Все в порядке.
Начал резать на фразы-коврижки.
Выпекать предложения-пышки.
Сложит горкой свой стих-каравай,
Ешь – потей, жуй – хватай, не зевай!

«Пегас поэта»

Взметнулся ввысь пегас поэта,
И стих простёрся над жнивьём.
Он не корил себя за это,
Он пел душой, он пел – живьём.

Он пел за веру и Отчизну,
За боль и слёзы матерей.
Что по усопшим справит тризну
Отец Георгий – иерей.

Он пел про море и закаты,
Про наших баб, что всех милей.
Да что там, сам любил когда-то...
За них, просил, полней налей!

И в раж входя в своей печали,
Бывало, напивался в дым.
Был он богат, хотя, едва ли...
Писали, помер молодым.

Его уж нет, и « те далече ...»
Но держит в памяти народ,
Призыв поэта, что на вече,
Зовёт его из года в год.

Когда – то французский писатель Антуан де Сент — Экзюпери мудро заметил: «Самая большая роскошь – это роскошь человеческого общения». И вправду, мудрые слова! Нам остаётся лишь находить подтверждение им в жизни! Общение с человеком талантливым – двойная роскошь.

От всей души благодарим вас за внимание, за тепло ваших сердец!

Основные издания:

Калинцев, А. Взорванные судьбы : повесть и рассказы / А. Калинцев. – Кропоткин: Кубань, 2017. – 214 с.

Калинцев, А. Мамина война: Повести рассказы / А. Калинцев. – Кропоткин: Кубань, 2015. – 262.

Праздник для почитателей таланта актёра, писателя, барда Владимира Высоцкого.

Литературно-музыкальный вечер «Война! Жесточе нету слова». Посвященный 75-ой годовщине Кубани от немецко-фашистских захватчиков. Выступление члена Международного союза писателей А.В. Калинцева, который представил свою книгу «Моя война», написанную по воспоминаниям матери.

